Нефть Синьцзяна: Экспедиция особого назначения Наркомтяжпрома СССР и организация разведочных работ на нефть в Северо-Западном Китае, 1935–1937 гг.

Ю.В. Евдошенко, к.и.н. (ЗАО «Издательство «Нефтяное хозяйство»)

Адрес для связи: editor3@oil-industry.ru

DOI: 10.24887/0028-2448-2019-1-114-118

22 марта 1935 г. Политбюро ЦК ВКП(б) Постановлением № П23/178 дало непосредственный старт геолого-разведочным работам (ГРР) в Синьцзяне. Для исполнения Постановления 11 апреля был издан приказ по Наркомату тяжелой промышленности СССР (НКТП) № 71сс, который предписывал «для проведения поисково-разведочных работ на олово и другие полезные ископаемые в Западном Китае» организовать до 15 мая в составе Главнигелялово Экспедицию особого назначения (ЭОН). Как писал нарком тяжелой промышленности С. Орджоникидзе председателю Совета народных комиссаров (СНК) СССР В.М. Молотову, ЭОН должна была «на основе поисково-разведочных работ подготовить организацию предприятия по добыче олова» [1, л. 26]. Из резерва СНК СССР планировалось затратить на ГРР в Синьцзяне до 10 млн руб. и ежегодно, в течение 1935–1937 гг. ЭОН выделялось около 2 млн руб. и от 40 до 75 тыс. долл. США.

За месяц до выхода постановления, 16 февраля 1935 г., будущий начальник ЭОН, заместитель директора Всесоюзного института минерального сырья (ВИМС), который руководил ГРР в приграничных районах Казахстана, Д.Е. Перкин подал С. Орджоникидзе специальную записку «Об угольных и нефтяных месторождениях Синь-Дзяня». Приложенная к ней карта показывала, что естественные выходы нефти окаймляют Джунгарскую и Таримскую впадины, имеют большую площадь и граничат с предполагаемыми районами распространения цветных металлов. Перкин подводил наркома к мысли, что можно параллельно и с малыми затратами вести поиски и металлов, и нефти и обещал быструю организацию добычи нефти «без длительных разведок» [2, л. 7, 2].

Однако в тот период горючие ископаемые были исключены из приоритета ЭОН. Позиция наркома была вполне объяснима: удаленность, низкий уровень развития местной промышленности, отсутствие инфраструктуры, социальная напряженность в регионе ставили под сомнение экономическое значение полезных ископаемых Синьцзяна в то время. Их разработка могла быть рентабельной только для местного рынка, требовала огромных затрат и оправдывалась лишь стратегическими интересами (например, нехваткой ископаемого сырья) возможного инвестора. Так, американский автор М.М. Фельдман в обзоре экономики Синьцзяна, опубликованном в шанхайском журнале «Чай-низ Экономик Джорнл» в апреле 1935 г., писал: «Географическое положение провинции таково, что если даже построить железные дороги, то синьцзянские ископаемые бо-

гатства нельзя будет продавать на мировых рынках по конкурентным ценам, благодаря запретительным фрахтам». «Может ли синьцзянская нефть когда-либо стать серьезным фактором на мировых рынках, если даже синьцзянские нефтяные ресурсы окажутся достаточно большими? – задавался вопросом журналист. – Это трудно предполагать, ибо так же, как и для других ископаемых, стоимость перевозки до ближайших морских портов окажется запретительной, в то время, как ближайший потенциальный потребитель – Россия – сама добывает нефть в окрестностях озера Балхаш и в Фергане» [3, л. 106–107].

Тем не менее мартовское Постановление ЦК об организации ГРР в Синьцзяне все-таки предполагало оказание простейшей технической помощи в области нефтепереработки без значительных вложений. Из 5 млн зол. руб., выделенных Синьцзяну в качестве ссуды, 50 тыс. зол. руб. (или 43 тыс. долл. США) предполагалось потратить на строительство НПЗ [1, л. 98]. Для организации его проектирования к ЭОН был прикомандирован советник – заместитель начальника масляного отдела Центрального института авиатоплив и масел Главнефти С.А. Холодов, недавно вернувшийся из США. Однако 14 августа 1935 г., едва прибыв к месту кустарной добычи нефти на горе Тушан цзы и войдя в одну из нефтяных штолен для осмотра, инженер грубо нарушил технику безопасности и зажег керосиновый фонарь. В результате взрыва три человека (двое китайцев и советский водитель) погибли, а сам виновник аварии получил сильные ожоги [4]. Так, единственным проводником «нефтяной политики» Советского Союза в Синьцзяне осталась ЭОН, имевшая и без того напряженные планы работ и довольнo ограниченные штаты.

Исходя из своих основных задач партии вели общую геологическую съемку. «Мы интересовались освещением нефтяных вопросов в связи с освещением общей геологической характеристики обследуемых партиями районов Синь-Цзяня», – писал в своем предварительном отчете Д.Е. Перкин [5, л. 17]. Рекогносцировочные поездки по районам с внешними признаками нефтеносности в северных предгорьях Восточного Тянь-Шаня вели партии Ю.М. Шейнманна (№ 4) и М.Н. Саидова (№ 5), у хребта Джаир (район крупнейшего месторождения современного Синьцзяна – Карамай) – партия Ф.И. Ковалева (№ 2), в южных предгорьях Восточного Тянь-Шаня – партии Ц.У. Бритаева (№ 7) и Н.В. Борисевича (№ 8). В своих письмах-инструкциях и во время личных поездок в партии Д.Е. Перкин ориентировал геологов на поиск металлов, но

неожиданно, по его словам, «вопрос о нефти встал в совсем иную плоскость».

4 октября 1935 г. Д.Е. Перкин сообщал своему заместителю: «Апресов отдыхал там, где был и И.В. (хозяин). Апресов вел с ним беседу и в частности о нефти. Он сказал, что нефть надо разрабатывать в Синь-Цзяне и вывозить в Союз. Дана уже директива об организации специального акционерного общества, поэтому Апресов теперь напирает на меня, чтобы я давал ему ответ по нефти» [6, л. 38 об. – 37]. Действительно, 11 сентября 1935 г. после обращения генконсула СССР в Урумчи Г.А. Апресова к И.В. Сталину, о чем было написано в предыдущей статье [7], Политбюро приняло постановление № П33/113 – «предрешить разработку нефти вблизи нашей границы под фирмой синьцзянского правительства»; «поручить НКТП, после приезда геологической экспедиции из Синьцзяна, внести совместно с НКИД проект конкретных предложений» [8, л. 52]. Других предписаний сделано не было.

По результатам работ 1935 г. советскими геологами в Синьцзяне было выявлено 20 благоприятных для скопления нефти структур. В качестве приоритетной по совокупности геолого-географических факторов называлась площадь Тушанцзы (Тушандзы, Душандзы и т.п.; тюркское название «Майтау» – «Масляная гора»), которая располагалась в 25 км к югу от г. Шихо (совр. – г. Усу). Это была антиклиналь, осложненная двумя поднятиями; там велась кустарная добыча нефти. В качестве основного объекта разведки выделили три нефтяных пласта в мезозое, залегающих на глубине всего 150 – 200 м. Но на проведение качественной подготовки площади к разведочному бурению времени почти не оставалось. Этот район входил в зону ответственности партии № 4, которая до 20-х чисел октября не касалась нефтяных вопросов. Теперь же она должна была быстро провести общую геологическую съемку полосы мезозойских отложений и собрать пробы нефти по всему району. «Главным затруднением в этой нашей работе является отсутствие топоосновы. <...> очень прихотливый рельеф и пологая складчатость свит создают очень своеобразные линии геологических границ», – писал Шейнманн Перкину в самом начале «нефтяного» этапа исследований [6, л. 193 об.].

Подготовка и детальный осмотр месторождения велись уже зимой. Возможностей собрать качественную исходную информацию из-за слабой оснащенности приборами не было и 21 декабря 1935 г. назначенный руководителем работ единственный в ЭОН геолог-нефтяник М.Н. Саидов писал Д.Е. Перкину: «Вообще говоря очень много ненормальностей в нашей работе. Проработать в таком сложном районе (в тектоническом отношении) как р-н Тушандзы всего лишь 4 дня и еще в зимних условиях, когда больше половины площади была под снегом, не обработать собранный материал, не иметь разреза нефтесодержащих пород, не иметь геологического отчета по району и задавать точку для скважины» [9, л. 185–185 об.].

Но Д.Е. Перкин, имея Постановление ЦК, предложил уже в следующем году организовать нефтепромысел

Фрагмент карты Синьцзяна. Номерами отмечены районы работ отдельных партий, цветом – состояние исследований на 15 сентября 1935 г., РГАЭ

[5, л. 18] и расширить детальные поиски нефти за счет ближайших к СССР районов – Кульджинского и Чугучакского [5, л. 51–52]. «Все время езжу по приемным, – писал он из Москвы в Урумчи. – <...> Огромные возражения встречают вопросы ассигнования на строительство как золотых приисков, так и нефтяных предприятий. Возражения идут, главным образом, по линии того, откуда взять деньги» [6, л. 55].

Нарком С. Орджоникидзе, от которого зависело решение вопроса, больше месяца не мог принять Д.Е. Перкина с докладом. 3 января 1936 г. эта встреча все-таки состоялась. «При беседе со мной, он меня неоднократно допрашивал – какое значение все эти открытия имеют для нас, причем почему-то особо обращал внимание на нефтяные вопросы, как могущие вызвать международные осложнения», – писал Перкин сотрудникам ЭОН [6, л. 61].

В письме к генконсулу Г.А. Апресову 7 марта 1936 г. он был более откровенен: «На мой доклад [Орджоникидзе] вызвал к себе по телефону [заместителя] Пятакова, сказав ему, чтобы он приходил послушать очень интересный доклад.

Но дальнейшая беседа показала, что к этим общим вопросам Синь-Цзянских дел Серго и Пятаков почему-то занимают пассивную позицию, во время беседы они спрашивали у меня: "Для чего это нам нужно. Ведь это не наша территория". <...> В результате он дал указание тов. Пятакову подготовить специальную докладную записку Сталину о работе Экспедиции. Причем категорически указал закончить записку только вопросами к Сталину – продолжать или не продолжать работы Экспедиции и отказался со своей стороны от каких-либо конкретных предложений, перенеся разрешение этого вопроса на компетенцию хозяина. <...> Записка была послана 15 января.

Прошло свыше полутора месяцев, но до сих пор ответа на поставленные вопросы мы не получили. В силу этого в финансовом положении Экспедиции создались чрезвычайные затруднения» [6, л. 73].

Геологическая карта месторождения Тушандзы (Май-тау) М.Н. Саидова, 1935 г., РГАЭ

Когда политическая воля ослабевала (а точнее – переключалась на решение других проблем), а экономические стимулы не действовали, проект стопорился – это становилось правилом плановой, социалистической экономики. Д.Е. Перкин был вынужден сообщить своим сотрудникам, чтобы они приостановили подготовку к бурению из-за нехватки средств [10, л. 4], а вышедшее 19 марта 1936 г. Постановление СНК СССР предписывало: «Продолжить в 1936 г. работу геологической экспедиции особого назначения НКТП в Синьцзяне исключительно в части разведок олова, вольфрама и молибдена» [11, л. 10].

Зима и весна 1936 г. ушли на «выбивание» средств. 8 мая 1936 г. Д.Е. Перкин сообщал Г.А. Апресову о том, что их план полностью «провести» не удалось. Всю вину он сваливал на «нерешительность» председателя Синьцзянской комиссии Политбюро ЦК ВКП(б), замнаркома иностранных дел Б.С. Стомонякова и «пассивность» С. Орджоникидзе и Г.Л. Пятакова [6, л. 80–79]. Какого-то одного ответственного органа за нефтяную разведку в Синьцзяне не было назначено. После выхода Постановления СНК СССР от 19 марта 1936 г. формально ЭОН не имела никакого отношения к «нефтяным» работам, но фактически продолжала руководить ими, поскольку советские сотрудники нефтепромысла числились как партия № 18 ЭОН. Из-за этой неопределенности организация разведочного нефтепромысла приняла затяжной характер. Главнефть, которая должна была подобрать кадры, перепоручила это «Азнефти», а там возникли свои объективные и субъективные трудности. В течение нескольких месяцев местные чекисты не могли утвердить выдвигаемые «Азнефтеразведкой» кандидатуры буровых мастеров. Лишь командировка в Баку начальника спецчасти ЭОН Е.Я. Черкинского позволила решить проблему [12, л. 100]. Буровые мастера приехали в Синьцзян только в августе 1936 г. Кроме того, нефтяники отказывали ЭОН в выделении некоторых видов оборудования и труб для синьцзянской разведки, ссылаясь на их нехватку для собственных нужд [12, л. 64].

Тем не менее 1 августа 1936 г. было издано Постановление правительства Синьцзяна о начале строительства

нефтепромысла Тушандзы, для чего предусматривалось выделение 68 тыс. долл. США на строительство и еще 43 тыс. – на закупку оборудования в счет советской ссуды. Общее руководство было возложено на транспортное управление («гараж») штаба генерал-губернатора (дубаня), которое должно было стать основным потребителем топлива.

Начальником промысла был назначен китаец Тай Жембо. С главным инженером, который должен был руководить всей производственной работой, было сложнее. Поскольку Главнефть никого из нефтяников после отъезда С.А. Холодова не прислала, главным инженером назначили руководителя лаборатории сравнительной литологии ВИМС Б.Я. Рамзеса, специалиста по геологии строительных материалов. С января 1936 по июль 1937 г. на него была возложена основная ответственность за освоение месторождения. Его рапорты генеральному консулу СССР в Урумчи Г.А. Апресову позволяют восстановить ход работ.

«Месторождение находится в совершенно ненаселенной местности, – писал Б.Я. Рамзес в своем первом отчете. – Кроме небольшой, старой фанзы в пределах месторождения никаких других жилых помещений не имеется. Месторождение бедно водой. Единственным источником водоснабжения является р. Куйтун. При этом на значительном своем протяжении р. Куйтун в районе месторождения является недоступной благодаря крутым, почти отвесным склонам, имеющим высоту свыше 100 метров» [13, л. 1].

К началу работ на промысел завезли два станка для разведочного бурения: легкий «Крелиус АБ» (в советской маркировке «КАМ-300») и тяжелый «Крелиус Б» (КАМ-500) и около 150 т различных грузов. Недалеко от фанзы была выбрана площадка для строительства промысла, где установили около 30 палаток для 80 рабочих. Здесь же была организована выпечка хлеба, столовые для рабочих различных национальностей (уйгурская, китайская и русская). Параллельно со строительством первых капитальных сооружений и дороги к буровой рабочие на руках перенесли все оборудование и стали собирать его на точке бурения, воду доставляли туда коромыслами. Из Баку приехали два буровых мастера А.А. Касумов

Палатки на месте будущего нефтепромысла, 1935 г., РГАЭ

и Я.В. Коровин, которые начали подготовку местных буровиков из числа китайцев, уйгуров и казахов [13, л. 12].

23 августа 1936 г. была заложена скв. № 1. Поскольку данные Ю.М. Шейнманна и М.Н. Саидова были схематичными и поступили к Б.Я. Рамзесу поздно, скважину он заложил не на западном куполе, лучше сохраненном от эрозии, а на восточном – разбитом трещинами и сбросами, но ближайшем к лагерю, что было проще в условиях наступавшей зимы и отсутствия внутривидовых дорог.

С глубины 50 м начались первые нефтепроявления и до отметки 103 м было встречено пять нефтеносных пластов. Однако промышленным значением они не обладали и бурение велось дальше. С глубины 164 м ударил первый газовый фонтан, который вскоре забился пробкой. 27 декабря с глубины 170 м при опробовании очередного нефтеносного пласта вновь ударил газовый фонтан, который помимо глины выбросил немного нефти. 25 ноября заложили вторую скважину, которая наткнулась на грязевой вулкан, и ее вскоре ликвидировали. В декабре 1936 г. первые тонны добытой нефтепромыслом нефти были проданы Дорстрою.

К началу зимы 1936–1937 гг. были сооружены: жилой дом размером 300 м², кузница, барак для чернорабочих размером 150 м², склад, небольшая электростанция (2,5 кВт), баня, началось строительство новых жилых и производственных помещений. С сентября на нефтепромысле работал медпункт, который обслуживал не только работников промысла, но и местное население.

В ноябре 1936 г. Д.Е. Перкин подготовил и направил руководителям ведомств, задействованных в Синьцзяне, свои предложения. Общая схема работ должна была выглядеть так: «Экспортстрой» Наркомвнешторга СССР брал на себя проектирование, руководство строительством, поставку оборудования, монтаж и пуск НПЗ; ЭОН обеспечивала проектное задание завода, изыскания для трассы нефтепровода и площадки завода, лабораторные анализы нефти; «Совсинторг» – заключение договора на поставку оборудования нефтепромысла и собственно поставки [14, л. 2–3]; Главнефть – технологический и рабочий проекты, чертежи крекинг-установки для производства 2 тыс. т бензина и 3 тыс. т керосина и заказы на соответствующих заводах, а также должна была выделить людей (для начала – инженера-эксплуатационника, инженера-технолога и трех буровых мастеров) [11, л. 17].

Предложения Д.Е. Перкина не нашли поддержки в СНК СССР, который своим распоряжением с 1 января 1937 г. все работы по освоению нефтяного месторождения Тушанцзы передавал синьцзянскому правительству, советские работники промысла переходили к нему на службу и получали жалованье от Синьцзяна. Все это – в счет ссуды.

На месторождении вслед за двумя первыми в тяжелых зимних условиях были пробурены еще восемь скважин. «В марте 1937 г. буровые скважины №№ 3, 4, а затем и №№ 5, 6 и 7 вскрыли нефтеносные слои на незначительных глубинах (от 44 м до 150 м), – докладывал Б.Я. Рамзес. – Встреченная нефть фонтанирует (самозливаается) и имеет газовое давление от 5 до 15 атмосфер (непостоянное). Суточный дебит скважин колеблется от 1,5 до 5 т в сутки по отдельным скважинам, имея тенденцию к повышению. Кроме указанных скважин были заложены скважины №№ 1, 2, 8, 9 и 10. Скважины 8, 9 и 10 заложены на крыльях складки. За отсутствием бурового

оборудования они были остановлены на глубине 100 м (скв. 8), 145 м (скв. 9) и 160 м (скв. 10). На указанных глубинах появилась нефтяная пленка и газы» [15, л. 70].

С ноября 1936 по апрель 1937 г. с использованием местных материалов и по проекту химика-эмигранта И. Зергункова строился нефтеперегонный завод, который имел три перегонных куба периодического действия по 5 т каждый, общей мощностью 30 тыс. т нефти, или 500 т бензина и 1200 т керосина в год. На заводе была предусмотрена очистка нефтепродуктов серной кислотой и каустической содой. Первые стоны, проведенные 15–20 апреля 1937 г., дали выход 20 % бензина и 45 % керосина, что являлось очень хорошим показателем для первичной перегонки и свидетельствовало о высоком качестве нефти [16, л. 41–42]. В целом, строительство этого примитивного завода было вынужденной, временной мерой, поскольку он должен был до завершения всех разведочных работ и проектирования полноценного НПЗ обеспечить переработку уже появившейся нефти, которая переполняла всю имевшуюся на промысле емкость [16, л. 31].

17 февраля 1937 г. вышло очередное Постановление СНК СССР о продолжении работы ЭОН и выделении ей средств, однако в нем речь шла только о разведке и освоении месторождений олова и вольфрама [17, л. 5]. На следующий день покончил с собой С. Орджоникидзе, ранее был расстрелян его заместитель Г. Пятаков. 16 апреля 1937 г. вышел приказ НКТП СССР, который предписывал в 10-дневный срок оформить заграникомандировку для сотрудников ЭОН и 1 мая выехать к месту работ. Но начавшиеся в тяжелой промышленности аресты и всеобщая атмосфера подозрительности, охватившая страну после Февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б), парализовали всю работу. В результате вместо 1 мая большая часть геологов смогла выехать в Синьцзян лишь 9–10 августа и 3,5 мес полевых работ из 5 были упущены [18, л. 11–12]. Третий сезон работы ЭОН фактически был сорван, хотя и были открыты месторождения вольфрама в северной части Джунгарского Алатау по обе стороны от границы.

5 июня 1937 г. Д.Е. Перкин написал начальнику Главнефти М.В. Барину о необходимости оформления нефтяников для работы в Синьцзяне [16, л. 14]. Но в это время М.В. Барин находился в длительной командировке, пытаясь как-то нормализовать работу нефтедобывающих объединений после арестов их руководителей; его замы в главке тоже были арестованы, а вновь назначенные, естественно, не решались брать на себя ответственность по такому серьезному вопросу. 23 июля был арестован Д.Е. Перкин. 29 июля его преемник А.Д. Ершов напомнил М.В. Барину о «беспризорности» нефтяного дела в Синьцзяне. «Чтобы избежать дискредитации советского руководства нефтяными работами в Синь-Цзяне и выполнить директивы правительства, – писал Ершов, – необходимо сверхсрочно направить туда специалистов, <...> и взять Главнефти непосредственное руководство нефтяными делами в Синь-Цзяне» [16, л. 22]. 11 августа А.Д. Ершов был исключен из партии (временно) и едва не снят с должности, а в начале сентября был арестован и позже расстрелян М.В. Барин.

Арест Д.Е. Перкина, пользовавшегося до этого высоким авторитетом среди сотрудников ЭОН, не только вызвал склоки внутри коллектива, но и подорвал доверие к ре-

зультатам ГРП в Синьцзяне («в Экспедиции гнездо троцкистов, шпионов и т.д.» [19, л. 74]). Результаты действительно оказались ниже ожидаемых (особенно по главному направлению ЭОН – олову), но все-таки открытия, включая не только нефть, но и вольфрам и золото, а вскоре так пригодились для Атомного проекта бериллий, были сделаны. Поисками была освещена площадь около 180 тыс. км² с составлением по отдельным районам геологического описания, топографических и геологических карт. Тем не менее активисты ЭОН, члены парторганизации стали выискивать «грехи» и каяться, конечно, обвиняя во всем Д.Е. Перкина, который «неофициально» руководил нефтяными разведками [19, л. 64], и непрофессионального нефтяника Б.Я. Рамзеса, оставленного один на один с решением сложной производственной задачи. Агония ЭОН продолжалась два года. 10 октября 1939 г. СНК СССР принял постановление, которое предписывало расформировать ЭОН, но эта история выходит за рамки темы данной статьи.

На 1 июня 1937 г. на промысле Тушанцзы работало 100 местных жителей, 30 из которых были подготовлены для проведения бурения и поисково-разведочных работ. Из 68 тыс. долл., предусмотренных для строительства, было израсходовано 34 тыс. [16, л. 42, 73], т.е. средств вроде бы хватало. Однако запасы труб и других расходных материалов подходили к концу (режущий инструмент для бурения стали делать из подручного материала – рессор), из обещанных специалистов прислали лишь старшего бурового мастера, а кустарный завод в целях безопасности эксплуатировать запретили. «Вот уже три месяца, как получена нефть, – писал Б.Я. Рамзес генконсулу А.Р. Менни, назначенному вместо арестованного Г.А. Апрессова, – ею заполнена вся свободная тара, из-за отсутствия последней скважины закрыты, бурение новых скважин осложнено и т.д., и все же решения нет. Больше того, строительству кустарного завода, единственно правильному выходу из создавшегося положения, не только не оказывается помощи, но напротив, имевшие место недочеты при строительстве оцениваются, по-видимому, настолько неверно, что вести дальше работы немыслимо. При этом упускается, что такие недочеты вряд ли имели бы место, если бы была оказана хотя минимальная помощь» [16, л. 19]. Б.Я. Рамзес сообщал, ссылаясь на разговор с Дубанем, что Синьцзяну нужно 5 тыс. т бензина и 10 тыс. т керосина в год, суточная добыча промысла позволяла обеспечить если не весь объем, то его половину. Нефти было мало для крупного НПЗ, но для выработки указанного количества нефтепродуктов было бы достаточно 6–8-кубовой батареи непрерывного действия, нужна была лишь соответствующая помощь со стороны Москвы. Главный его вывод – «закрыть или ликвидировать промысел по причине отсутствия нефти и неблагоприятности месторождения нет сейчас каких-либо оснований» [16, л. 43].

В октябре 1937 г. на совещании у Л.М. Кагановича, который возглавил Наркомат тяжелой промышленности СССР, решалась судьба нефтепромысла. 9 октября был издан приказ НКТП № 155сс – «Главнефти обеспечить окончание разведки и организовать эксплуатацию месторождения Тушандзы» [17, л. 13]. Это была первая, но не

единственная директива, направленная на организацию правильной разведки месторождения и строительства нефтепромысла и завода.

Оценивая результаты работы 1935–1937 гг., Б.Я. Рамзес справедливо писал: «Указанное состояние обусловлено рядом причин, из которых основная: отсутствие в Союзе по вопросу об эксплуатации Тушандзинского месторождения специального решения. Не было организации, несущей ответственности за работу по месторождению, планирующей перспективы всей проблемы синьцзянской нефти. Работы по нефти в Синьцзяне показывают, что перед нами имеется громадная проблема, требующая значительного внимания. Правильное разрешение этой проблемы может оказать существенную помощь не только Синьцзяну, но возможно также другим провинциям Китая. В разрешении указанной проблемы значительно заинтересована наша страна» [16, л. 74].

Главным результатом описанного этапа работ стало подтверждение перспектив нефтеносности Синьцзяна, придание нефти приоритета в ряду других полезных ископаемых и сосредоточение всех работ в отраслевой организации – Главнефти НКТП СССР.

Отсидевший два срока в ГУЛАГе Ю.М. Шейнманн вспоминал: «Сейчас эти места вполне обжиты. И люди, и обстановка другие. Даже географические названия поменялись или поменяли транскрипцию. <...> Не знаю, разрабатываются ли открытые экспедицией месторождения и рудопроявления. А людей, сделавших эту работу, давно нет. Кто умер, кто сгинул в ГУЛАГе. Нет даже фото – секретно было» [20, с. 150]. Лишь теперь настало время раскрыть забытую страницу истории.

О новом этапе освоения нефтегазовых ресурсов Северо-Западного Китая с помощью Советского Союза будет рассказано в следующей статье.

За предоставление иллюстраций автор выражает благодарность С.С. Леденёву.

Источники

1. Государственный архив РФ (ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 16а. Д. 1089.
2. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 6884. Оп. 1. Д. 117.
3. ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 28/2. Д. 60.
4. РГАЭ. Ф. 9174. Оп. 1. Д. 50.
5. РГАЭ. Ф. 9174. Оп. 1. Д. 2.
6. РГАЭ. Ф. 9174. Оп. 1. Д. 42.
7. Евдошенко Ю.В. Нефть Синьцзяна. О зарождении советско-китайского сотрудничества в области поисков нефти и газа // Нефтяное хозяйство. – 2018. – № 5. – С. 108–111.
8. РГАЭ. Ф. 7837. Оп. 5. Д. 24.
9. РГАЭ. Ф. 9174. Оп. 1. Д. 41.
10. РГАЭ. Ф. 9174. Оп. 1. Д. 101.
11. РГАЭ. Ф. 9174. Оп. 1. Д. 14.
12. РГАЭ. Ф. 9174. Оп. 1. Д. 119.
13. РГАЭ. Ф. 9174. Оп. 1. Д. 125.
14. РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 38. Д. 282.
15. РГАЭ. Ф. 9174. Оп. 1. Д. 24.
16. РГАЭ. Ф. 9174. Оп. 1. Д. 124.
17. РГАЭ. Ф. 9174. Оп. 1. Д. 202.
18. РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 38. Д. 322.
19. РГАЭ. Ф. 9174. Оп. 1. Д. 206.
20. Шейнманн Ю.М. Перед самим собой / сост. Г.Ю. Гаген-Торн. – М.: Возвращение, 2013. – 336 с.